

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РК

Серикбаев Дамир Амангельдиевич

damir.serikbaev.00@yandex.ru

Студент 4-курса юридического факультета ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан,
Казахстан

Научный руководитель – Р.Т. Бексултанова

В условиях процессуальных возможностей сторон, пассивности суда, отсутствия фактического равноправия сторон и традиций состязательности складывается «благоприятная» обстановка для злоупотребления процессуальными правами. К тому же, отсутствует единое понимание термина злоупотребление процессуальными правами. И на сегодняшний день, у судов нет достаточной практики применения санкции к участникам процесса за злоупотребления процессуальными правами.

Злоупотребление правом, как правовое явление имеет противоречие в правовом определении. Это противоречие создается из-за частей – «право» и «злоупотребление». И, некоторые ученые рассматривают данный термин исключительно с этически-философской точки зрения, как «употребление права во зло». Такой подход учеными цивилистами оценивается критично, поскольку, злоупотребляя субъективными правами возникает сомнение о действительности нарушенных правовых норм, т.к. поступок против совести не направлена против закона.

Отсюда возникает проблема в определении правовой сущности термина злоупотребление правом. Из-за противоречивого понимания термина злоупотребление правом существуют, как сторонники, так и противники данного института. И вопрос заключается в следующем – возможно ли злоупотребить правом?

Существуют сторонники и противники в теоретико-правовых взглядах по поводу злоупотребления гражданскими процессуальными правами. Сторонники данного термина признают наличие такого правового явления путем косвенного или прямого указания, в своих трудах, посвященных данной проблеме. К ним относятся: Юдельсон К.С., Зайцев И.М., Каллистргова Р.Ф., Грель В.Я., Юдин А.В., Аблонин В.О. и т.д.

Позиция противников к данному термину сводятся к отрицанию самого правового явления и характеризуют данное явление, как «законодательный пробел». Так, Фурсов Д.А. считает, что: «так называемые факты процессуальных злоупотреблений скорее служат сигналом неполного, откровенно пробельного правового регулирования» [1, с. 156].

Также, он не признает сходства между термином злоупотребление правом и процессуальной отраслью права: «все процессуальные действия должны быть указаны законодателем, так же как условия и порядок совершения каждого из них, поэтому возможность для злоупотребления процессуальными правами не будет иметь под собой какой-либо почвы» [1, с. 158].

Приходько А.И. отмечает, что отсутствуют правовые инструменты, которые способны обеспечить процессуальные способы по борьбе с воспрепятствованием реализации правосудия [2, с. 248].

Однако, следует учесть, что проявление многообразия в гражданском процессе ситуаций делают невозможным формирование абсолютных критериев для судей, минимизировав судейское усмотрение против злоупотребления процессуальными правами.

Причиной тому является индивидуальность каждого гражданского процесса, из-за которого законодатель не способен предусмотреть все обстоятельства проявления злоупотребления процессуальных прав. Такого же мнения Юдин А.В.: «Действительно, поливариантность всех способов осуществления субъективного права и многообразие возникающих ситуаций объективно не поддаются законодательной регламентации» [3, с. 311]. Другой причиной им выделяется: «совершенствование процессуального регламента» [4, с. 311], которое лишь усугубит положение, т.к. с целью обхода норм против злоупотребления процессуальных прав будут создаваться новые правовые ситуации для злоупотребления процессуальными правами.

Так, согласно практике законодательного внедрения в законодательство Российской Федерации заочного производства, направленного на противодействие злоупотреблению ответчиков, которые не являются в суд – Юдиным А.В., сделан вывод, что: «недобросовестные ответчики, уклоняющиеся от явки в суд, после вынесения заочного решения, подают необоснованные заявления об их отмене в суд, принявший решение, ссылаясь на явно надуманные обстоятельства своей неявки и факты, якобы могущие повлиять на существо принятого решения» [3, с. 312-313].

И действительно, данные факты являются лишь предпосылками для появления новых правовых ситуаций для злоупотребления процессуальными правами.

Однако, при рассмотрении термина злоупотребление процессуальными правами, как особый тип гражданского процессуального правонарушения следует выделить основной признак – поведение в рамках закона, которое в последствии образует состав гражданского правонарушения.

Другие гражданские правонарушения отличаются от злоупотребления процессуальными правами, поведениями вне рамок закона это характеризует объективную сторону. В качестве примера, может быть, нарушение лицом порядка в судебном заседании и применением к нему определенных мер согласно ст. 188 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – ГПК РК) [4].

Также, особенностью объективной стороны данного гражданского правонарушения является действия, которые направлены на злоупотребление процессуальными правами. Так как, злоупотреблять процессуальными правами можно только принадлежащими правами, то способом является осуществление принадлежащих лицу субъективных процессуальных прав [3, с. 315].

Так, Юдин А.В. характеризует данный способ сравнивая с иными процессуальными правонарушениями, что: «при злоупотреблении вред причиняется в результате ненадлежащего осуществления субъективного процессуального права, образующего неисполнение обязанности по добросовестному пользованию принадлежащим лицу субъективным правом» [3, с. 316].

Также, им отмечается, что недобросовестное поведение в гражданском процессе выражается в форме «злоупотребления субъективными процессуальными правами» и в форме «процессуальной недисциплинированностью», который характеризуется – отсутствием добросовестного поведения в процессе [3, с. 328].

В ст. 46 ГПК РК, устанавливают права и обязанности лиц, участвующих в гражданском деле.

В п. 1 этой же статьи, добавляют: «они должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, не злоупотребляя правами других лиц, не нарушая их интересы, и не допускать умышленное затягивание сроков рассмотрения и разрешения дела» [4].

При этом, нет нормы предусматривающей ответственности за недобросовестное пользование всеми принадлежащими им процессуальными правами, что делает данную норму «мертвой».

Также, можно заметить законодательные закрепления принципа добросовестности у зарубежного опыта, в частности – ГГУ и ШГУ.

В ГГУ это параграф 242 (принцип добросовестности). Аболониным В.О. подмечается, что основным механизмом противодействия – является принцип добросовестности, который служит пределом осуществления процессуальных прав субъектов гражданского процесса Германии [5, с. 8].

В ШГУ ст.2, определяют содержание правовых отношении и поведения самих субъектов: «каждый человек должен пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности согласно с требованиями доброй совести. Явное злоупотребление правом не должно находить правовой защиты» [6].

В ст. 3, указывают основания проявления добросовестности: «добрая совесть предполагается во всех случаях, когда закон ставит в зависимость от нея возникновения или действие права. Тот, кто не проявил достаточной степени заботливости, которой можно было от него по доброй совести требовать при данных обстоятельствах, не имеет права ссылаться на свою добрую совесть» [6].

Для достижения добросовестности возникает необходимость в постановке задачи этико-правового воспитания субъектов, по которому будут пресекать ненадлежащее поведение.

Однако, отечественный ученый Сулейменов М.К. считает иначе. Рассматривая с разных сторон принцип добросовестности – он выделил несколько особенностей, на основании которых можно понять, подходит ли принцип добросовестности, как основной механизм противодействия злоупотреблению процессуальными правами [7].

Например, сам принцип основывается на нравственно-этических началах сохранения доверительных отношений сторон. И раз, это касается больше договорных отношений между сторонами, то и применимо больше к обязательственным отношениям, но не ко всем. Особенно, если брать вещные правоотношения, то при виндикации вещи добросовестность неуместна, так как вопросы «знал» или «должен был знать» никоим образом не относятся к нравственно-этическим началам [7].

Другие отечественные ученые, Эбдірайым Б.Ж. и Хасенов М.Х. находят иные признаки добросовестности, в ст. 6:2 ГК Нидерландов: «добрая совесть в данном случае обозначается понятиями разумности и справедливости и играет роль общей идеи, способной изменить действие любого источника права» [8, с. 88].

Другим вопросом является правовое определение добросовестности. Например, Дождев Д. считает: «добросовестность – это критерий правового, а не этического, не внеправовой критерий, когда право не справляется. Это один из инструментов права для достижения полного равенства, полного соответствия его требованиям» [9, с.2].

Дождев Д., как и Сулейменов М. К. пришел к тем же выводам. На первый взгляд, считать добросовестность этическим критерием внеправового понимания является грубой ошибкой, так как нам известно из римского частного права, что право базируется на принципах честности, справедливости и добросовестности.

На этой основе, Чукреев А. А. определяет добросовестность следующим образом: «принцип добросовестности – это обязанность участника гражданских правоотношений при использовании своих прав и исполнении своих обязанностей заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников имущественного оборота» [10].

И действительно, участник гражданского процесса должен быть в определенной степени заботливым и осмотрительным, уметь предвидеть результат осуществления процессуальных прав и следовательно, предотвращать со своей стороны нарушения процессуальных прав и законных интересов других лиц. Например, истец сомневается в обоснованности своего иска и даже предвидит результат в том, что суд откажет в принятии иска, но, легкомысленно рассчитывает на отсутствие нужных доказательств у ответчика.

Далее, Чукреев А.А. определяет: «заботливость – субъективная характеристика добросовестности, которая помимо этого подразумевает и формальную сторону: пределы должного, в рамках которых субъект обязан быть заботливым» [10].

Отсюда следует, что главенствующим признаком выступающий в противоречие заботливости является «процессуальная недисциплинированность». Так, А.В. Юдин включает в термин «процессуальная недисциплинированность» – отсутствие интереса в эффективном разрешении гражданского дела, отсутствие воли правильному осуществлению процессуальных прав, а также отсутствие желания способствовать рассмотрению гражданского дела [3, с. 327].

Данные признаки, указывают нам на то, что злоупотребление процессуальными правами осуществляются не только с единственной целью причинения вреда другому, но и также, выражаются «процессуальной небрежностью» вследствие неорганизованности позиции стороны в процессе, забывчивости процессуальных прав или обязанностей, отсутствии интереса к исходу дела и т.п.

Однако, с субъективной стороны, злоупотребление процессуальными правами характеризуется умышленной формы вины.

Учитывая, что недобросовестность возникает, как более широкая юридическая категория, то злоупотребление процессуальными правами имеет в субъективной стороне более узконаправленный умысел. Он характеризуется в осознанности противоправных действий при осуществлении своих процессуальных прав, когда лицо знает или может знать о наступлении вредных последствий и желает их наступления, либо сознательно допускает возможность наступления вредных последствий.

Также, учитывая вышеприведенные доводы о том, что лицо, злоупотребившее процессуальными правами не всегда имеет цель причинить вред другому, а причиняет вследствие недобросовестности, которая выражается в «процессуальной недисциплинированности», то субъективная сторона процессуального злоупотребления, может также относиться безразлично к наступлению вредных последствий, что и характеризует «процессуальную небрежность».

Таким образом, квалификация злоупотребления процессуальными правами, в качестве одного из видов неправомерного поведения основывается на плюрализме оценок поведения сторон.

С одной стороны, злоупотребление процессуальными правами представляет собой неправомерное поведение участников гражданского процесса, связанное с превышением пределов осуществления процессуальных прав. С другой стороны, не исключено, что отдельные виды недобросовестного осуществления процессуальных прав могут считаться правонарушением в соответствии с гражданским процессуальным кодексом.

Однако, в ходе анализа выяснилось, что данная категория никак не подпадает под правовое поведение и не может быть отождествлена с обычным гражданским процессуальным правонарушением, поэтому ее необходимо воспринимать, как особый тип гражданского процессуального правонарушения.

Таким образом, раскрывая правовую сущность данного термина, определяя его место в гражданском процессуальном праве, изучая взаимное влияние существенной категории «недобросовестность» становится неизбежным законодательное закрепление данного определения и выделение социального назначения процессуального права, которая послужит общим направлением и ориентиром для суда по разрешению судебных споров.

Список использованных источников

1. Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия: в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том второй. – М.: Статут, 2009, 156, 158 с.

2. Приходько А.И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. – М.: Волтерс Клувер, 2006, 248 с.
3. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. – СПб: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2008, 311, 312-313, 315, 316, 327, 328 с.
4. Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2022 г.) // online.zakon.kz
5. Аболонин В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. – М.: Волтерс Клувер, 2009, 8 с.
6. Гражданский кодекс Швейцарии от 10.12.1907 г. (по состоянию на 01.01.2017 г.) // wipolex.wipo.int
7. Сулейменов М. К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практик // online.zakon.kz
8. Әбдірайым Б.Ж., Хасенов М.Х. О законодательном закреплении принципа добросовестности в Гражданском кодексе Республики Казахстан. – Астана: Право и государство, 2017, 81 с.
9. Дождев Д. Пять фактов об одном из важнейших наследий римского права и его современном понимании // URL: www.postnauka.ru/faq/36362 (05.12.2016)
10. Чукреев А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. – М.: Норма, 2002, 100-104 с.

УДК 349.222.2

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОГО ПРАВА

Сырлыбаева Фатима Маратовна

syrlbayevaf@gmail.com

Докторант 3-го курса кафедры гражданского, трудового и экологического права ЕНУ
им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
Научный руководитель – Нургалиева Е.Н.

В настоящее время идет бурное развитие информационного общества и трудовое право работников уже не укладываются в рамки новой, зарождающейся общественной организации труда, что объективно требует исследования вопросов, связанных с информационным трудовым правом субъектов и их правовой защите. Произошли изменения в области занятости, что с неизбежностью влечет изменения в трудовом законодательстве. В настоящее время вопросы защиты информационных прав работников приобретают все большую актуальность, поскольку стремительный переход к цифровизации повышает уязвимость информации. Персональные данные гражданина отнесены к конфиденциальной информации, охраняемой государством. В статье особое внимание уделено праву на информацию субъектов трудового права и ее защите. Рассмотрены вопросы правовой защиты информационных прав наемных работников, обеспечивающих право на защиту частной жизни граждан, основные нарушения информационных прав наемными